

Первый из текстов этого сборника представляет собой лекцию, прочитанную Аленом Бадью 23 октября 2010 года в рамках «Дней Алена Бадью», которые прошли 22, 23 и 24 октября в Париже в «Эколь Нормаль Сюперьёр» (рю д'Ульм), а также в Кампусе Кордельеров. Затем Ален Бадью решил присоединить к этому текста два других, также прочитанных в виде лекций и дополняющих первый текст: «Фигуру солдата» и «Политику как неэкспрессивную диалектику». Мы выражаем ему наше живейшее признание. В равной мере мы благодарим Изабель Водо (Isabelle Vodoz) за дружескую и во всех отношениях решающую помощь, которая она оказала при работе над этим сборником.

ЗАГАДОЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКИ

Прежде чем приступить к парадоксальному отношению философии и политики, я хотел бы рассмотреть достаточно простой вопрос – о будущем самой философии.

Я начну со ссылки на одного из моих учителей – Луи Альтюссера. По Альтюссеру, рождение марксизма – не нечто простое. Оно зависело от двух революций, двух крупных интеллектуальных событий. Во-первых, от научного события, а именно создания Марксом науки истории, имя которой – «исторический материализм». Второе событие философского толка – это создание Марксом и другими нового течения, называющегося «диалектическим материализмом». Мы можем сказать, что новая философия требуется для прояснения

новой науки и помощи при её рождении. Так, философия Платона была затребована появлением математики, философия Канта – физикой Ньютона. Всё довольно просто. В этих рамках можно сформулировать несколько элементарных соображений относительно будущего философии.

Перво-наперво можно сказать, что это будущее зависит, в основном, не от философии и её истории, а от новых фактов в определенных областях, которые сами по себе не имеют философской природы. В частности, от фактов, относящихся к области науки. Такую роль играла математика для Платона, Декарта или Лейбница, физика – для Канта, Уайтхеда или Поппера, история – для Гегеля или Маркса, биология – для Ницше, Бергсона или Делёза.

Я, в свою очередь, совершенно согласен с тем, что философия зависит от определенных нефилософских областей, и я назвал их «условиями» философии. Я хотел бы просто напомнить, что не ограничиваю условия философии становлением науки. Я предлагаю более широкий список условий,

относящихся к четырем разным типам – к науке, но также политике, искусству и любви. Так, к примеру, мои работы зависят от нового понятия бесконечности, но также от новых форм революционной политики, от великих поэтических произведений Малларме, Рембо, Пессоа, Мандельштама или Уоллеса Стивенса, прозы Сэмюэля Беккета, от новых форм любви, которые возникли в контексте психоанализа, а также в результате полного преобразования всех вопросов, связанных с сексуацией и «гендером».

Тогда можно было бы сказать, что будущее философии зависит от её способности постепенно приспособливаться к изменению этих условий. То есть можно сказать, что философия, таким образом, всегда приходит второй, после того, как нефилософская новизна уже состоялась.

Собственно, таким и был вывод Гегеля. Для него философия – это птица мудрости, а птица мудрости – это сова. Но сова вылетает лишь тогда, когда день закончен. Философия – дисциплина, которая приходит после дня познания, опыта, реальной

жизни – в самом начале ночи. Очевидно, поставленная нами проблема будущего философии таким образом решена. У нас два варианта. Первый: начнется новый день творческих экспериментов в области науки, политики, искусства и любви, и у нас будет новый вечер для философии. Второй вариант: наша цивилизация себя исчерпала, и мы можем представить лишь мрачное будущее, будущее вечных сумерек. Таким образом, будущее философии будет заключаться в её медленной смерти, медленном умирании в ночи. Философия будет сведена к тому, что мы читаем в начале прекрасного текста Сэмюэля Беккета «Компания»: «В черноте кому-то дается голос». Голос, у которого нет ни значения, ни слушателя.

И действительно, от Гегеля и Огюста Конта до Ницше, Хайдеггера и Деррида, а также у Витгенштейна и Карнапа, мы обнаруживаем философскую идею вероятной смерти философии, во всяком случае, в её классической форме метафизики. Так буду ли я – как записной хулигана господствующей формы нашего времени и решитель-

ный критик капитало-парламентаризма – проповедовать конец или неперемное преодоление философии? Вам известно, что я занимаю другую позицию. Как раз наоборот, мне важно, чтобы философия, как я говорю в первом «Манифесте философии», сделала «ещё один шаг».

Дело в том, что этот крайне распространенный тезис о смерти философии, постмодернистский тезис о преодолении философии новыми формами интеллектуальности – более смешанными, более разнородными и менее догматичными, отягощен многочисленными проблемами.

Первая, пусть в определенном смысле слишком формальная, выглядит так: идея о конце философии давно стала типично философской идеей. Кроме того, часто это вполне позитивная идея. По Гегелю, философия достигла своего конца, поскольку философия способна понять, что такое абсолютное познание. По Марксу, философия как интерпретация мира может быть заменена конкретной трансформацией того же самого мира. По Ницше, негативная аб-

стракция, которой представляется старая философия, должна быть разрушена ради освобождения жизненного утверждения, большого «Да!», высказанного всему существующему. А по мысли аналитического направления, метафизические фразы, которые являются совершенно бессмысленными, должны быть деконструированы и заменены ясными предложениями и аргументами, подчиняющимися парадигме современной логики.

Во всех этих случаях мы видим, что громкие заявления о смерти философии в целом и метафизики в частности с большой вероятностью являются риторическим приемом, позволяющим указать на новый путь, новую цель в самой философии. Лучший способ сказать «Я – новый философ» – это, вероятно, произнести следующую пафосную речь: «Философия закончена, философия мертва! И я считаю, что с меня начнется нечто совершенно новое. Не философия, но мысль! Не философия, но жизненная сила! Не философия, а новый рациональный язык! То есть, не старая философия, а

новая, которая – по удивительному совпадению – оказывается моей философией».

Поэтому возможно, что будущее философии всегда будет сохранять форму воскресения. Старая философия, как старый человек, умерла, но эта смерть, на самом деле, является рождением нового человека, нового философа.

Однако есть тесная связь между воскресением и бессмертием, между самым значительным изменением – переходом от смерти к жизни, и наиболее полным отсутствием изменения, обнаруживающимся, как нас захватывает радость спасения.

Возможно, повторение мотива конца философии вместе со связанным с ним и так же повторяющимся мотивом нового начала мысли является знаком фундаментальной неподвижности философии как таковой. Вполне может быть так, что философии необходимо ставить свою преемственность, свою повторимость под знак драматической пары рождения и смерти.

Достигнув этого пункта, мы можем вернуться к работам Альтюссера. Ведь Аль-

тюзсер, утверждая, что философия зависит от науки, говорит в то же время нечто весьма странное, а именно, что у философии вообще нет истории, что она всегда – одно и то же. В этом случае проблема будущего философии проста: её будущее – это её прошлое.

Только представьте себе: вот Альтюзсер, великий марксист, ставший последним защитником старой схоластической концепции *philosophia perennis*, то есть философии как чистого повторения того же самого, философии в стиле Ницше – как вечного возвращения того же самого.

Но что представляет это «то же самое»? В чем заключается эта тождественность того же самого, которая равноценна антиисторической судьбе философии? Этот вопрос, очевидно, возвращает нас к старой дискуссии об истинной природе философии. Известно, в целом, два основных направления. Согласно первому, философия – это, по существу, рефлексивное познание. Познание истин в теоретической области, познание ценностей в области практической. И в

этом случае нам надо организовать обучение и передачу этих двух фундаментальных форм знания. Следовательно, форма, подходящая философии, – это форма школы. Философ – это профессор, как Кант, Гегель, Гуссерль, Хайдеггер и многие другие, включая меня самого. Он организует рациональную передачу и обсуждение вопросов, связанных с истиной и ценностями. На самом деле, именно философия во времена греков изобрела саму форму Школы.

Вторая возможность – в том, что философия, на самом деле, не является познанием – ни теоретическим, ни практическим. Она состоит в прямом преобразовании субъекта, то есть это вид радикального обращения, полное перевертывание существования. Следовательно, она весьма близка к религии, хотя её средства исключительно рациональны; она весьма близка к любви, но не опирается на силу желания; очень близка к участию в политической борьбе, но не ограничена необходимостью централизованной организации; не менее близка к художественному творению, хотя

не имеет чувственных инструментов искусства; и столь же близка к научному познанию, хотя и не обладает формализмом математики или эмпирическими и техническими инструментами физики. Согласно этому второму направлению, философия – не обязательно то, что относится к школе, ученичеству, передаче и профессорам. Это свободное обращение одного к кому-то другому. Так Сократ говорил с юношами на улицах Афин, Декарт писал письма принцессе Елизавете, а Жан-Жак Руссо писал свою «Исповедь»; это то же, что стихотворения Ницше, романы и пьесы Жана-Поля Сартра и, если вы позволите мне такой нарциссический жест, мои собственные театральные произведения и романы, как и утвердительный, воинственный стиль, который, я думаю, питает мои философские тексты, даже наиболее сложные.

Иначе говоря: можно понимать философию, если использовать термины Лакана, как форму дискурса Университета, дело профессоров и учеников в рационально организованных институтах. Это вечная

схоластическая позиция Аристотеля. Или же её можно понимать как наиболее радикальную форму дискурса Господина, дело личного участия, в котором первым шагом идет воинственное утверждение (в частности – против софистов и ученого сомнения, которым чествует себя Университет).

В соответствии с этим вторым взглядом на вещи, философия – не познание и даже не познание познания. Это действие. Можно было бы сказать, что философия определяется не правилами дискурса, а единичностью акта. Именно этот акт враги Сократа называли «развращением молодежи». И, как Вы знаете, из-за него Сократ и был осужден на смерть. «Развращать молодежь» – это, в общем, весьма подходящее наименование философского акта. При условии, что мы правильно понимаем, что значит «развращать». «Развращать», в данном случае, означает учить возможности отказаться от всякого слепого повиновения установленным мнениям. Развращать – значит давать молодежи определенные средства, позволяющие изменить мнения относительно

социальных норм, заменить дискуссией и рациональной критикой подражание и одобрение и даже, если поднимать принципиальный вопрос, заменить восстанием подчинение. Но такое восстание не является ни спонтанным, ни агрессивным, поскольку оно вытекает из принципов и критики, предложенных для всеобщего обсуждения.

В стихотворениях Рембо встречается странное выражение – «логические восстания». Наверно, это хорошее определение философского акта. И не случайно, что мой старый друг-враг, замечательный философ Жак Рансьер, создал в 1970-х годах важный журнал, который как раз так и назывался – «Логические восстания».

Но если подлинная сущность философии – быть актом, мы можем лучше понять причину, по которой, с точки зрения Луи Альтюссера, не существует настоящей истории философии. В своих собственных работах Альтюссер предлагает говорить, что действующая функция философии – разделять мнения. И, если точнее, разделять мнения

о научном познании или, говоря в целом, разделять сами теоретические формы деятельности.

Что это за разделение? В конечном счете, это разделение на материализм и идеализм. Как марксист, Альтюссер считал, что материализм – это революционная рамка теоретической деятельности, тогда как идеализм – консервативная. Его конечное определение выглядело так: философия – это своеобразная политическая борьба в теоретическом поле.

Но независимо от этого марксистского вывода мы можем сделать два замечания.

1) Философский акт всегда выступает в форме определенного решения, отделения, четкого различия. Между знанием и мнением, между правильными мнениями и ложными, между истиной и ложью, между Богом и Злом, между мудростью и безумием, между утвердительной позицией и чисто критической, и т.д.

2) У философского акта всегда есть нормативная сторона. Разделение – это ещё и иерархия. В случае марксизма хороший термин – это материализм, а плохой – это идеализм. Однако, в целом, можно заметить, что разделение, проводимое в понятиях или в опыте, на деле всегда является способом навязать, особенно молодежи, новую иерархию. И, если говорить о негативных сторонах, результатом будет интеллектуальное крушение установленного порядка и старой иерархии.

То есть мы находим в философии некий инвариант, нечто вроде влечения к повторению или вечного возвращения того же самого. Но эта неизменность относится к порядку действия, а не познания. Это субъективность, для которой знание во всех его формах – лишь одно средство из многих.

Философия – это акт реорганизации всех видов теоретического и практического опыта за счет предложения нового большого нормативного разделения, которое

подрывает установленный интеллектуальный порядок и обещает новые ценности, превосходящие общепринятые. Форма всего этого – это более или менее свободное обращение к каждому, но прежде всего к молодежи; поскольку философ отлично понимает, что именно молодым людям надо определиться в жизни и что чаще им проще пойти на риск логического восстания.

Все это объясняет, почему философия в определенной мере всегда оказывается одним и тем же. Конечно, всякий философ думает, что его творчество – совершенно новое. Это по-человечески понятно. Многие историки философии показывали наличие абсолютных разрывов. Например, после Декарта очевидно, что метафизика должна принимать за образец своей рациональной конструкции современную науку. После Кант заявляют, что классическая метафизика больше невозможна. А после Витгенштейна запрещается забывать о том, что изучение языка – сердце философии. Таким образом, мы получаем рационалистический поворот, критический и языковой.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru